

А. Н. Мосейко³

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ СОВРЕМЕННОСТЕЙ (МОДЕРНОСТЕЙ) ЗАПАДНОГО И НЕЗАПАДНОГО ТИПОВ В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

Конец XX — начало XXI века характеризуются грандиозными трансформациями и формированием нового мирового порядка.

В последние десятилетия в мире формируется новый баланс сил: в прошлом периферийные страны выходят на передовые позиции; происходит возвышение Востока и Юга, меняется ценностная иерархия категорий «традиция–современность»⁴. Изменения происходят и в ценностно-этических системах.

В условиях происходящих перемен значимым стало понятие «современность» (modernity, в отечественном дискурсе представленное термином «модерность»).

В 1980–1990-х годах проблематика модерности вышла на ключевые позиции. Это было связано с активизацией процессов модернизации в странах, освободившихся от колониальной зависимости, а главное, с неудачами и срывами большинства опытов модернизации по типу вестернизации.

Срывы модернизации, конфликты, кризисы, сопровождавшие процессы модернизации, сделали неизбежным пересмотр прежних концепций и категорий. Израильский ученый Шмуэль Айзенштадт (1923–2010), несколько десятилетий изучавший обстоятельства и причины провалов модернизации в странах Азии, Африки и Латинской Америки⁵, выступил с серией работ, в которых изложил основы концепции множественности модерностей, формирующихся в молодых государствах в процессе модернизации⁶. Ш. Айзенштадт в своей концепции исходит из мысли, что современность в единственном числе в принципе невозможна. Современность, формирующаяся в каждом конкретном обществе, неизбежно несет в себе существенные особенности этого общества: культурно-исторические реалии, геополитическую ситуацию, традиции, ценности, нор-

³ Ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Идеология в странах Тропической Африки: традиции и современность», «Мифы России: мифологические доминанты в современной российской ментальности», «Мадагаскар: особенности культурно-цивилизационного развития»; глав в коллективных монографиях; статей в научных журналах «Вопросы философии», «Общественные науки и современность», «Восток» и др.: «Африканская метафизика: развитие религиозного опыта и мифологическое миропонимание», «Встреча африканской традиционной этики с западным христианством и формирование пограничной этико-религиозной идентичности (в свете теории культурных кодов)», «Культурные коды социума: научно-практическое значение в современной африканистике» и др. Награждена грамотами РАН, медалью «В память 850-летия Москвы».

⁴ См.: Nederveen Pieterse J. Global rebalancing: Crisis and the East-South turn // Development and change. Oxford : Malden, 2011. Vol. 42, № 1. P. 22–48.

⁵ Айзенштадт Ш. Срывы модернизации // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/sryvy-modernizaczii.html>.

⁶ Eisenstadt Sh. N. Tradition, Change and Modernity. John Wiley and Sons Inc., 1983 ; *Idem*. European Civilization in a Comparative Perspective: A Study in the Relations Between Culture and Social Structure. Oxford Univ. Press, 1987 ; *Idem*. Multiple Modernities // Daedalus, 2000. Vol. 129, № 1. P. 1–29.

мы, обычаи, символы. Все эти особенности и определяют характер современного общества.

Одновременно немецкие ученые Ульрих Бек и Эдгар Гранд¹, а также ряд других представителей мирового академического дискурса, обратили внимание на серьезное изменение траектории развития «Первой модерности» (соответствующей «Первому осевому времени, по Ясперсу) — западной цивилизации, позиционирующей себя как образцовую для всего мира. Так, в этой цивилизации наряду с благами, которые она производила, стали воспроизводиться риски и угрозы. В результате якобы «образцовая» западная цивилизация (Первая модерность) превращается в «общество рисков»², в названную британским ученым польского происхождения Зигмундом Бауманом «текущую модерность». В лекции, прочитанной в Москве, он определил «текущую модерность» как общество неустойчивое, постоянно изменяющееся, и, что особенно важно, направленность перемен непредсказуема³.

Американский интеллектуальный лидер Насим Николас Талеб в своей культовой книге «Черный лебедь» пишет, что только за последнее десятилетие в мире случилось множество тяжелейших катастроф, потрясений, кризисов и катаклизмов, которые не были и не могли быть предсказаны в силу своей неожиданности и фантастичности. В терминологии Талеба, «черные лебеды» — это непредсказуемые и непрогнозируемые события, которые влияют на судьбы людей, да и мира в целом⁴.

Отсюда жизненная стратегия людей характеризуется колебаниями и страхом по отношению к долгосрочным проектам и намерениям, ибо неизвестно, что произойдет завтра. Зигмунд Бауман характеризует современную западную цивилизацию при помощи метафоры *interregnum* (в русском переводе «междувластие»), то есть перерыв между исчерпавшим себя старым порядком и еще не сложившимся новым. Состояние *interregnum* порождает у людей неуверенность, нерешительность и в конечном счете беспомощность. В такой ситуации модернизация как в развитых западных, так и в незападных странах переходит в иную стадию — стадию формирования «Второй модерности» (Second modernity)⁵, то есть современного общества или современной цивилизации постмодерна, знаменующей, очевидно, «Второе осевое время» (Ш. Айзенштадт).

Модернизация второй стадии получила различные наименования: «постклассическая», «инновационная», «вторичная», но особенно часто — «рефлексивная»⁶.

¹ Beck U., Grande E. Varieties of second modernity: the cosmopolitan turn in social and political theory and research // British journal of sociology. L., 2010. Vol. 61, № 3. P. 409–443.

² Beck U. Risk society: Towards a new modernity. L. ; New Delhi : Newbury Park : Sage publications, 1992.

³ Бауман З. Текущая модерность: взгляд из 2011 года : лекция // Центр гуманитарных технологий. 2011. 10 мая. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/4992> (дата обращения: 24.11.2023).

⁴ Талеб Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М. : Колибри : Азбука-Аттикус, 2020.

⁵ Beck U., Grande E. Op. cit. P. 414.

⁶ Beck U., Bonb W., Lau C. The theory of reflexive modernization: Hroblematic, hypotheses and research program // Theory, culture and society. 2003. Vol. 20, № 2. P. 1–33.

Понятие «рефлексивность» широко применяется в научном дискурсе, особенно в последние десятилетия. При этом интерпретируются различные аспекты этого понятия. Особое внимание уделяется «принципиальной толерантности» по отношению к «различиям» (расовым, конфессиональным, национально-этническим, физическим, ментальным и т. п.), способности признавать и уважать внутреннего и внешнего Другого. При этом рост самосознания и углубление рефлексивности приводят к социальной активизации, конфликтности, появлению различных, включая протестные, социальных движений (молодежных, женских, экологических, религиозных). Об этом писал Ш. Айзенштадт⁷, акцентируя внимание на одной из наиболее существенных составляющих социальной базы этих движений — на «обездоленных», в том числе образованных людях, не нашедших своего места в жизни.

Исследования процессов «рефлексивной модернизации» показывают, что в незападных обществах, например в Китае, Японии, Южной Корее, возникают различные компоненты Второй модерности, а траектория модернизационных процессов различна в зависимости от региона, страны, условий предшествующего историко-культурного развития⁸.

Процессы рефлексивной модернизации могут включать как программы обновления (экономического, политического, культурно-образовательного) с учетом разумного заимствования достижений других стран, так и программы возрождения, переосмысления и адаптации традиций данного общества (этических, ценностных, управленческих, религиозных). Важнейшим условием рефлексивной модернизации является восстановление (возрождение) достоинства людей и стран, их права и способности иметь субъектность, «свой голос» не только в страновых, но и в мировых процессах.

Необходимо ориентироваться на множество путей рефлексивной модернизации, а также на опыт как западных, так и незападных стран и на взаимодействие и взаимозависимость этих различных видов социального опыта. В результате возникают новые варианты современных обществ, новые модерности, в которых могут переплетаться досовременные уклады и уклады Первой и Второй модерностей. Такая форма рефлексивной модернизации осмысливается для использования в Субсахарской Африке.

С комментариями по поводу концепции второй стадии модернизационных трансформаций, в результате которых формируются новые варианты современных обществ, Вторые модерности, способные выкристаллизоваться в современные цивилизации, выступил ряд ученых. Немецкий ученый Карл Хайнц Поль пишет, что Запад в силу своих универалистских убеждений стремится нивелировать культурные различия, поощряя универсальную вестернизацию, что сегодня полностью неприемлемо для мирового большинства.

⁷ Айзенштадт Ш. Н. Современная глобализация и новые цивилизационные модели // Универсальная и глобальная история. Волгоград : Учитель, 2012. С. 486–492. URL: <https://www.socionauki.ru/book/files/ygi/486-492.pdf> (дата обращения: 24.10.2023).

⁸ Beck U., Grande E. Op. cit. P. 414.

Для западной цивилизации характерны принципы борьбы, войны, подавления и унижения народов, что выразилось в европейской колонизации, а ныне в колониальной практике США в их гегемонистской политике разжигания войн, вооруженных конфликтов и т. д.¹

Поддерживая концепцию Второй модерности, китайские ученые Хан Санг-Лин и Шим Янг-Хи считают, что она может быть плодотворно использована в незападных странах, в частности в Восточной Азии.

При этом авторы подчеркивают принципиальные культурные различия Запада и Восточной Азии, в рамках которых осуществлялась модернизация. На Западе она протекала в условиях доминирования бинарных оппозиций между добром и злом, общественным и частным, субъектом и объектом, традициями и современностью и т. д. При этом одно считалось предпочтительнее другого, а развитие воспринималось как неизбежная победа одного ряда ценностей над другим. Это вело к гегемонистскому доминированию в ущерб плюрализму и разнообразию.

Напротив, в Восточной Азии сложилась устойчивая традиция взаимодействия как базовой системы, в рамках которой примирение противоречивых ценностей и интересов может быть достигнуто посредством ориентации на средний путь в целях динамического равновесия.

Ученые из Китая обращают внимание на то, что в условиях большой значимости второго этапа модернизации решающее значение имеет восстановление равновесия и гармонии как в своем обществе, так и во взаимодействии и сосуществовании с другими странами. При сохранении полного уважения к радикальным различиям и разнообразию².

Тип культуры, сходный с вышерассмотренным в Восточной Азии, находим в Африке. Этот тип культуры базируется на традиционном мировосприятии аф-

риканцев и на принципах и ценностях традиционной этики: на гуманности, представлениях об общественном благе, общественном порядке, равновесии и гармонии, справедливости и солидарности.

Африканский философ, кенийец Али А. Мазруи (1933–2014) сформулировал семь столпов африканской мудрости, подчиненных важной, по его определению, задаче — ответу на запрос человечества на новую объединяющую глобальную этику перед лицом неравновесной мировой системы.

Главное в глобальной этике — гуманизация критериев определения ценностей и, прежде всего — критериев добра и зла³.

В заключение представляется существенным затронуть вопрос о фундаментальных культурных различиях и сходстве современных обществ, ибо они играют немалую роль в мировом балансе сил, а также обеспечивают основу взаимодействия между странами.

Существуют разные подходы к классификации мировых культур (цивилизаций)⁴. Самым общим принципом является их дифференциация на коллективистские и индивидуалистические⁵ по критериям базовых ценностей. Так, в культурах коллективистского типа ценность общественного выше ценности личного, ценностью является солидарность, общественное благо, соборность, коллективный успех, в противоположность индивидуалистическим (западным) культурам, в которых ценностью является личный успех, персональные права и свободы, принципы «новой этики», конкуренция во всех сферах жизни. К коллективистскому типу культур относится большинство стран Азии, Африки, Латинской Америки, а также Россия.

Эти общие принципы формируют культурное сходство, ценностное единство, которое является фундаментом для выстраивания отношений между странами БРИКС в формирующемся многополярном мире.

¹ Pohl K. H. Chinese and Western values: Reflections on methodology of a cross-cultural dialogue // Dialogue and cooperation for world harmony and common development : First world cultural forum, on May 18–19 of 2011. Suzhou (China), 2001.

² Han Sang-Lin, Shim Young-Hee. Redefining second modernity for East Asia // British journal of sociology. L., 2010. Vol. 61, № 3. P. 465–488.

³ Mazrui Ali A. Africa Wisdom has two Parents and One Guardian // African Ethics. An Anthology of Comparative and Applied Ethics. University of Kwazulu-Natal Press, 2009. P. 33–59.

⁴ Мацумото Д. Психология и культура. СПб. : Прайм-Еврознак ; М. : Нева, 2002.

⁵ Там же. С. 56–58.